

МЕРИ НАЗАРИ

ПАРНИ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

16+

МеРи Назари

Парни из преисподней

«Автор»

2021

Назари М.

Парни из преисподней / М. Назари — «Автор», 2021

В месте падения Тунгусского метеорита пропадают люди. В самый пик "свалочных" протестов туда выезжает депутат Госдумы В. В. Урановский, харизматичный политик и дипломат, известный оригинальными идеями. Его цель - найти место для захоронения мусора. Сибирь большая, она все схавает и в нефть преобразует. Однако пропадает и народный избранник. Разбираясь в этом запутанном деле московский следователь сходит с ума. Эстафету изысканий подхватывают простые парни. По наводке местных преданий они проникают в чрево Нижнего мира...Любимец народа спасён, но оказывается вовсе не Урановским...Кто же он? Читатель глубоко ошибается, если полагает, что догадался!..

© Назари М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

1.	5
2.	17
3.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

МеРи Назари

Парни из преисподней

1.

“Главному Прокурору Красноярского края Господину И.В.Пояркову.

Уважаемый господин Поярков Иван Васильевич!

Жители села Ванувара Эвенкийского муниципального района Красноярского края вынуждены обратиться к Вам, так как в селе сложилась крайне опасная криминогенная обстановка. На этом фоне подданные других стран, имеющие лесобрабатывающий промысел в нашей округе, стали активно его продавать.

С 2016 года мы информируем руководство МВД о недостаточности принимаемых ими действий по недопущению преступлений, из которых еще ни одно не раскрыто.

На все наши жалобы – один ответ: недостаточное финансирование полиции.

К концу текущего года немотивированные пропажи участились, что говорит о создании уже организованной преступной группировки.

С каждым разом преступления становятся более дерзкими и открытыми, так как преступники чувствуют свою безнаказанность.

Жители села просят Вас провести проверку хода расследования уголовных дел, возбужденных по фактам пропаж невинных граждан с полной отработкой всех версий совершенных преступлений.

Просим принять все меры к раскрытию и выработке профилактических мер в целях снижения числа преступлений.

Просим Вас взять под контроль ход расследования уголовных дел по нашему району.

Дата: 22.12.2018г.

Приложение: копии писем в МВД и копия листа подписей граждан.”

Дубликат этого тревожного письма лежал в кармане молодого человека, одетого в короткую доху из шкуры белого оленя. Решительными шагами на коротких широких лыжах двигался он по мелколесью, которое едва угадывалось под крепким настом.

Отороченные оленьим мехом лыжи приостановились. Мужчина огляделся.

Сердце столичного жителя дрогнуло.

Молчаливо стояли елки, одетые в снежные шубы. Скорее, это были уж не елки совсем, а фигуры огромных животных, слепленных между собой по двое и по трое с грозной целью – похоронить любого смельчака под многотонным грузом снега со своих ветвей.

– Эх ма, тру-ля-ля, – только и проговорил молодой человек, да и пошел дальше.

Рядом семенила не менее чуждая городу «бесшеяя» фигура. Свойственную национальной сибирской одежде иллюзию давали меховые ее части, слившиеся друг с другом. Этот скафандр изготавливается по целиковой выкройке, включающей в себя все: тулуп, шапку, штаны, унты, рукавицы. Лишь в таком облачении человек может выжить в тайге при экстремально низких сибирских температурах.

Юркий низкорослый «тайгонавт», окруженный выдыхаемым паром, причитал:

– Это ничего странного, что мертвецы. Ну и ничего. У нас тайга, тундра. Здесь много смерти. Под каждой ногой трупы. Из них растет наша жизнь. Так говорят шаманы. Только если недавно или если мы похоронили родственника, то обходим стороной.

Они пересекли белую пустошь с торчащими прутьями мелколиственника и приблизились к бревенчатому нагромождению, состоящему из «сросшихся» двух изб. Тот, что в белой дохе, сбросил лыжи и шагнул на ближнее крыльцо...

– Погоди, – заорал проводник, так что первый резко остановился. – Опасно! Надо нужные слова сказать!

Тот, что в дохе, оглянулся.

Шевелюра с иссиня-черным блеском показалась ему сверху вороньим крылом. Глазщелочки глядели неодобрительно, без маломальского желания сделать скидку на европейское невежество.

Мужчина почувствовал, как заряжается от провожатого непонятным недружелюбием. Это приносило лишнего перчику в его, хоть и рабочую, но довольно экзотическую поездку.

– Мели, емея – твоя неделя... – буркнул он.

В который раз по приезду сюда, внутри напряглась невидимая жилка. Невольно подчиняясь, он застыл в нетерпении.

– Говори ж! – поторопил он. Досадно, что ему, настроенному главенствовать, чему обязывает положение, приходится соотносить свои действия с местным «тормозом». Он добавил тихо, в расчете, что «абориген» его расслышит: – Ох уж эти мне жители тундры!

Хотелось бы употребить модное словечко «народонаселение» – да внутри что-то дрогнуло, будто воспротивилось. И нехотя он снова подчинился, употребив старообразное слово «жители».

Вслед за короткой паузой он толкнул дверь...

– Аум сваале! – услышал сзади.

– Аум сваале, – ответили встречно странным приветствием.

За стандартной деревянной стойкой с поднимающимся почти до потолка оргстеклом в форменной одежде Почты России сидела круглолицая черноволосая смуглянка.

– Здравствуйте. Ручейников Илья Семенович, – представился мужчина. – работник Следственного комитета города Москвы. Вот, пожалуйста, ознакомьтесь с удостоверением.

– Здравствуйте. Нет нужды... Я вам верю. Очень приятно. Христина Анатольевна Золоторева, заведующая почтовым отделением.

Илья протянул ей письмо.

– Я прибыл по этому заявлению – по факту пропаж людей в селе.

По опущенному взгляду следователь заметил смущение хозяйки заведения.

– Я лишь распечатала письмо на почтовом принтере и собрала подписи, – стала оправдываться она. – Все по просьбе господина Жеребова. Потому что он за главного сейчас. А я... сейчас, пожалуй, единственный оседлый житель в селе.

– Вот как?...Хм... Ну, неважно. В любом случае сначала я должен переговорить с администрацией. Я правильно понял, что господин Роберт Алексеевич болен, а господин Теодор Иванович замещает его?

– Да. Глава администрации Жернов болеет с 2016 года, и он... очень добр.

– Покуда господин Жеребов не вернулся со стойбища, – сказал следователь, – я решил зайти к вам на огонек.

– Добро пожаловать, – поспешила ответить начальница. – Пожалуйста, располагайтесь!

Гость скинул доху и присел за журнальный столик с самоваром. Скоро он отхлебывал пахучий, заваренный лесной земляничкой, чай.

В перерывах между глотками Илья достал из мешка пачку документов, покопался в них, достал фотографию и, обращаясь Христине Анатольевне официально, спросил:

– Итак, госпожа Золоторева, пока отсутствует господин Жеребов, до рассмотрения общего вопроса могу ли я переговорить с вами как со свидетельницей по делу, из-за которого, собственно, я и преодолел немалое расстояние?

Госпожа Золотарева с трудом удержалась от реверанса в ответ на столь церемонное обращение.

– Разумеется. Я в вашем распоряжении.

– Известен вам этот человек?

Следователь показал фото.

– Кто ж его не знает? Это ж...

– Гражданка Золотарева, – сухо предостерег собеседник, – давайте с вами условимся не говорить о том, что вам не известно наверняка, а будем говорить о том, что доподлинно известно. Понимаете разницу?

Гражданка кивнула, сделав такое движение головой, словно ей пришлось проглотить язык.

– Я так понимаю, вы встречали здесь этого человека? Будем называть его «приезжим».

– Пожалуйста, как вам будет угодно, – молодая женщина не смогла сдержать улыбки, несмотря на старание. – У нас всех неместных так называют.

– Так вы его встречали?

– Да. Он заходил на почту.

– Были ль приезжому письма из Москвы?

– Вчера одно было.

– Заказное?. Он получил его под расписку?

– Как же иначе? На то есть почтовый регламент.

– Покажите, если не затруднительно, формуляр с подписью.

– Пожалуйста.

Заведующая подала следователю учетную книгу.

– Вам запомнилось что-то при общении?.. Удивил ли чем приезжий?

– Да он весь удивительный! – живо отреагировала молодая женщина, которой, видимо, в тягость была официальная рутинка. – У него любое слово не такое, как у всех. Мнение обо всем свое, а не как в телевизоре... – она виновато взглянула в строгие глаза следователя и резко «скукожила» ответ. – Ой, простите... Сама не знаю, какие такие особенные... особенности. Ну, валенки у него вместо унт. Да-да. Я, представляете, первый раз видела валенки не на картинке из детских сказок, а прямо на ногах! Ещё...ещё он задавал странные вопросы.

– Какие?

– Ну...спросил меня, как устроен мозг...например.

– Ваш?

– Вот и я спрашиваю. – Лицо девушки беспрестанно по поводу и без повода озарялось белозубой улыбкой. – «Мой?» А он отвечает: «Нет, вообще. Человеческий». Я удивилась. Мне казалось, что в Кремле... простите больше не буду... всё, что надо, о человеке знают, а не то чтоб сюда прямо ехать. Он сказал, что нет. «Нельзя, – сказал, – сидеть в Кремле и знать все на три тысячи километров. Великие эмиры Востока, – сказал, – и русский царь Александр I в их числе, в первую очередь, – переодевались в лохмотья и скитались каждый по своей стране. Только при таком отношении к своим обязанностям возможен порядок. Ничего тут такого нет. Александр Македонский, не стесняясь, разговаривал с бомжом Диогеном. Вот как я сейчас с вами разговариваю». «Но я не бомж», – возразила я. Он посмотрел на меня так...ну...внимательно. «Бомж или нет – это состояние духа, – ответил он, – а «Диоген» тем более. Я хотел бы быть Диогеном. Вот потому я и здесь. Я хотел бы быть эмиром. Но страна, как древний и неповоротливый ящер. Мы с вами знаем эту песню. И я вместе с ней заявляю: тупик. А все оттого, что превратила она себя в свалку. Точней, мы ее превратили. А тут у нас в Сибири масса возможностей, и есть место, чтобы произвести очистку...и...»– приезжий не договорил, а я спросила: «Вы хотите у нас устроить здесь свалку? Но разве людям и зверям, которые здесь живут, безразлична чистота?» Он посмотрел снова на меня так...и сказал: «Вот почему я интересуюсь

устройством человеческого мозга. Почему он заводит самого себя в тупик, вместо очевидного выхода? Ответ где-то рядом».

Пока вошедшая в раж свидетельница частила, не переводя дух, следователь кинул взгляд на помрачневшие окна. Неужели уже закат? Значит, скоро должен возвратиться в село Жеребов – ВРИО Главного Администратора Ванувары.

Взглянув на стенные часы, которые показывали всего четыре пополудни, он понял, что спешить пока некуда: просто закат здесь наступал раньше, чем в Москве.

– То есть этот особенный человек приходил на почту исключительно за письмом? – уточнил он во время паузы.

– Не только, – с новой силой затараторила Христина Анатольевна. – Сейчас я вам все подробно расскажу. «Милая девушка», – сказал приезжий мне, – я здесь втайне от всех, в секрете от всей страны. До сих пор я надеялся, что и моя жена не в курсе – но вот, пожалуйста, пришло извещение о письме. Вздыхай или не вздыхай (он вздохнул) – результат один. Вижу, что от нее не скрыться. Хорошо ли, плохо ли – только Богу известно, но женщинам все надо, чтоб муж был у нее на ладо...» «Что вы? – воскликнула я, не дослушав. – Как вы могли ей не сказать? Не предупредить детей? Они же переживают!» Он снова так посмотрел на меня и сказал печально: «Не одна она страдает. Не один я ухожу из дому в никуда... Чехов уехал на Сахалин, Толстой убежал из Ясной поляны, царь-Александр прибыл в Сибирь из Таганрога, где имитировал свою смерть. Сюда, в Енисейскую тайгу, он явился в образе скитальца Федора Кузьмича. Знаете это? В прошлом все об этом знали, даже Николай I, а нам нужно догадываться. Нашего Герасимова не пустили к могиле. Томскому священнику до сих пор не дают сделать ДНК-анализ мощей Федора Кузьмича. Я в растерянности заморгала, а он и говорит: – Вижу, что вы, милая девушка, тоже не понимаете, что происходит. Это нормально». Я успокоилась и уточнила: «Так мне за анатомическим атласом в подвал лезть? Архив у нас в подвале» «Нет, – сказал он. – Не лезьте в подпол за обычным атласом, а лезьте за атласом Криволапкина».

Христина Анатольевна подняла блестящие глаза на Илью, как бы приглашая посмеяться вместе, но тот сохранял серьезность и только внимательно слушал. Наверное, поэтому она робко сказала:

– Меня это рассмешило.

– Почему же?

– Потому что «Географический атлас Криволапкина» – несерьезный! Его раскритиковал главный исследователь тунгусского метеорита – Леонид Кулик.

– Вот как?... – усмехнулся ее собеседник.

– Атлас всегда у нас в свободном доступе, – продолжала библиотекарь. Зачем ему – в архив? Но вот не знаю почему, он очень востребованный. По этой причине я направила приезжего в читальный зал.

– А где у вас библиотека?..

– Тут. Я библиотекарь – по совместительству. Библиотека в другой половине дома. Слева от двери – почта, а в правой библиотека.

– Вот как? Да вы очень важный тут человек, я вижу, Христина Анатольевна, – сказал Илья.

– В тайге все люди наперечет, Илья Семенович, – в тон ему ответила та не сморгнув. – И мы все уважаем друг друга. Но нам... – тут она помедлила немного, – мы привыкли общаться по именам. А вы слышали, что ученые-этнографы прошлого называли эвенков «французами Сибири»?

– Должно быть, у вас и в списке литературы что-нибудь редкое имеется? – спросил Илья вместо ответа.

– Как же. Наш район по специальной квоте для нацменьшинств в советское время по первому классу обслуживался. К нам именитые профессора валом валили, за рукописями по геологическим изысканиям Леонида Кулика в очереди строились. Его весь мир знает... Вы ведь не исключение? Помните? – Христина продекламировала:

– «Снова явились гордые россы,
Снова костер на поляне горит,
Снова пытливые слышны вопросы:
«Где наш Тунгусский метеорит?»»

Илья пожал плечами, но промолчал.

– Тунгусский метеорит, итальянцы называли «ударом необъяснимой природы», – говорила словоохотливая госслужащая. – Кроме них, у нас были космонавт Гречко и Эдвард Теллер – ровесник метеорита, создатель американской водородной бомбы...

– Можно на зал взглянуть? – спросил, еще раз глянув на часы, Илья.

– Берите ключи. Вы при исполнении. Я обязана помогать.

Илья прошел по указке, открыл дверь толстым бородчатым ключом. В сухом, прохладном помещении множество стеллажей. «Бальзам на душу любому библиофилу, – подумал Илья. – Но что это?..»

Он резко остановился.

Христина выглянула из-за плеча и вскрикнула раненой птицей. Через приоткрытое слева окно через щель на пол намело целый сугроб.

– Видно он растворил окно... – пробормотала библиотекарь и, переведя глаза на стеллаж, побледнела и пошатнулась.

– Ох, уж эти мне французы, – проговорил Илья и, отведя женщину в вестибюль, препоручил девушке-помощнице, сам же возвратился в читальный зал.

«Удар неизвестной природы» поразил целый стеллаж.

Нагроможденные хаотично книги напоминали картину Брюллова «Последний день Помпеи», если только вместо людей представить книги. И на соседних полках стеллажа книги лежали в беспорядке, а не стояли в ряд, готовыми к бою солдатами. Фанерки с буквами алфавита и обозначениями тем упали на пол, что подтверждало мысль о хищении.

Не исключено, что кто-то искал ценную книгу и умыкнул ее через окно.

Илья отцепил от зазора косяка ворсинку шерсти, похожую на мех чёрно-бурой лисицы.

– Водятся ли у вас чёрно-бурые лисы? – спросил следователь у Далбё – так звали помощницу библиотекаря – и, получив вместо ответа неопределенное пожатие плечами, поместил вещдок в отдельный файл визитки.

Когда он возвратился в прихожую-вестибюль, общий для почты с библиотекой, Христина очнулась и сидела на скамье около раздевалки.

– Он похитил атлас, – уверенно прошептала она. – Географический.

Она закрыла лицо руками.

*

Илье пришлось на лыжах преодолеть сугроб, подступающий с задней стороны дома к самым окнам. Подобравшись к приоткрытому окну, он понял, что снега намело целую гору, и следов не осталось. Единственно, что он смог сейчас сделать – это проехать вдоль предполагаемой траектории «похитителя», которая далее угадывалась по легка заметным вмятинам. Она вела к занесенным снегом кустарникам и далее не прослеживалась.

Илья собрался уж было повернуть назад, как вдруг нечто, блестящее на солнечном свете, привлекло внимание. Это оказался запакованный в коробочку диск. «Sic!» значилось на коробке, ничего более...

На тайгу быстро падали сумерки и, решив обследовать данное место в более светлое время суток, Илья повернул назад.

Ему предстояло еще искать свой гостиничный номер, и в темноте это было бы затруднительно. Оказалось, что тот располагается в гостевом чуме, так как в 1991 году строительство современной гостиницы здесь заморозили.

Чум располагался на западном краю поселка, где сходятся сразу четыре улицы. Илья справился с запиской, данной в подразделении полиции. Все было четко. Навигатор не потребовался. Маршрут шел мимо схождения улиц Метеоритной, Шишкина и Советской. Потом – по улице Уварова. Она загибает направо и в конце концов выводит на Нефтегазведочную. Там ориентир дом 5а – отдел судебных приставов, после него десять минут хода.

Запах готового мяса защекотал ноздри. Эх, ма – холодный и голодный ...и, эх, где ж тот знаменитый гуманный обычай тундры – обкладывать дорогого гостя женами и дочерьми?

Но уют, какой бы он ни был, переключил мысли Ильи на новый лад. «Гостиница» – конус из шестов, обтянутых, как водится, не менее чем двадцатью шкурами оленя – в принципе была оснащена всем необходимым для временного пребывания: освещение, постель, печь для готовки...

Имелся даже аквариум, что было совершенно неожиданным. Он стоял посередине чума. Да не просто аквариум, а настоящее диво для беспробудной тундры. Илья, освобождаясь от меховой одежды, сразу почувствовал, что уже давно соскучился по цветам, отличимым от белого.

Тут было все, что необходимо для того, чтобы ввести в ступор ослепленному снегами сибирской зимы. Разнообразие водорослей сообщало комфорт для обитателей тропиков.

Подогрев, компрессор и подсветка – все это, очевидно, обеспечивалось электричеством, подведенным к чуму.

Незамысловатые юркие рыбешки – вуалехвостые гуппи и неончики разных пород – трепыхались хвостиками и плавниками в изумрудной взвеси. Пестрота и блеск чешуи придавала шестигранному кристаллу феерический вид. Внимание привлекала рыбка, которая плавала в центральной части трепетно дрожащего мирка и зависала там, где толща воды особенно плотно затенялась густой флорой.

Илья некоторое время следил за рыбкой. В какой-то момент показалось, что и рыбка смотрит на него. Но потом убедился, что это иллюзия. Рыбка не «прирастала» к стеклу живым отростком-шипом перпендикулярно вовнутрь и не пускала пузыри, и не тарщила линзы глаз, как это делали ее сородичи, а просто медленно вращалась в отдалении вокруг невидимой оси, подобно водяному флюгеру.

Шаловливая память подкинула рассказ о последних днях Теслы, которые скрасила голубка, любимая гением, по его выражению, как женщина. Наблюдая за рыбкой, Илья подумал, что это, наверно, возможно при одиночестве, почувствовал изобретателю и мысленно перенесся в Москву. Как там Ирина? Через два месяца их сыну стукнет годик...

В думах о семье Илья не сразу заметил, что в чуме более чем прохладно.

Справа от тумбы с аквариумом стояла газовая печка с тремя конвекционными экранами. На ней лежала зажигалка. При разжигании газовое пламя от холода сделалось хрупким, разорвалось и кусками рассыпалось по линолеуму. И пришлось слегка «потанцевать», его затаптывая, и это, похоже, развеселило не только Илью. Рыбка, наблюдая за «ритуальными плясками вокруг костра», тоже оживилась. «А ведь никто в мире еще не додумался вмонтировать видеокамеру в аквариумную рыбку!» – мелькнула озорная мысль.

От печки понесло теплом.

Рыбка неторопливо развернулась и боком «впечаталась» в темную дыру между водорослями. Словно темнота вошла в тельце – всего на одно мгновение –и рыбки не стало. Илья

несколько раз сморгнул глазами – она не появлялась. Тогда он вынул из мешка фонарик и приставил к стеклу. Внутреннее освещение аквариума перебивало свет фонарика. Лишь несколько зеленых листиков какой-то узорчатой водоросли высветилось на заднем плане. Зеленый сумрак оставался. Можно попробовать отключить освещение...

«Чем это я занимаюсь? – возникла вдруг мысль. – Становиться Теслой в мои планы не входит. Пора заняться делами, хоть это и классный предрождественский подарок на Рождество по европейскому стилю.

*

Сначала Илья рассмотрел снимок подписи приезжего и отправил его по e-мейл на почерковедческую экспертизу. Второе фото – найденной в библиотеке ворсинки – отправил в Московский институт шерсти. И фотографию красного шарфа, одиноко висящего на крюке в пустой раздевалке, не забыл. Он незаметно выстриг его краешек ножницами при выходе из библиотеко-почты. Пусть эксперты разбираются. Илье же и так на все четыре девятки – 99, 99% – известен хозяин артефактов.

Пора разобраться с диском. Вставил его в дисковод. И услышал размеренный голос:

«Двести миллионов лет назад, когда динозавры бродили по Южной Америке, в Гондване и Арктике, а в предгорьях Урала появились мамонты и активно принялись за освоение северной части Азии и Северной Америки, в центральном хорусе Медведицкой гряды собралось много почтенных марсиан, фаэтонян и других представителей солнечной расы».

– Вот те раз! Какая-то фантастика, – решил Илья и, не останавливая запись, принялся за готовку картошки на оленьем сале.

«Ожидались фаэтоняне, прибывшие ещё вчера в Шамбалу. На подлёте с плато Наска – представители планеты Нибиру.

Слово взял Главный Зодчий Солнечной системы Кланиред Пятый».

«Кланиред. Имечко, – подумал Илья. – Сколько еще дивных имен в головах народонаселения припрятано! Эх ма. Сегодня произошло так много событий, что заоблачная информация не лезет в душу. Из памяти не вылезает разговор с Христиной:

«– Но почему...он...похитил? – спросил ее он.

По отношению к столь высокопоставленному лицу данное предложение выговаривалось трудно и как-то куце.

– А я его ему не дала с собой, хотя он просил, – девушка улыбнулась. – VIP-персоны тоже ведь люди и могут повредить экземпляр.

– Но что в нем особенного, чтобы – прям-таки взять и украсть?

– Там о месте падения метеорита и как туда пройти...

Глаза ее покраснели, и она, всхлипывая, уткнула нос в платок.

«– Содружество лучеподобных естинов! – обратился Кланиред Пятый к собравшимся. – Не подвластное нам время приготовило для нас очередное испытание. Вы примерно знаете, о чем я. Солнце перешло в фазу сжигания накопленного водорода, и нас ожидает дополнительный разогрев в двадцать градусов. Системы термостатирования не рассчитаны на это. Нас ожидают трудные времена. Растения наших планет быстро приспособятся и дадут бурный рост, состав атмосферы переполнится кислородом, начнутся глобальные окислительные процессы с открытым горением в наивысшей точке,

то есть, пожары. Что может предложить Кабинет Созидателей Тройственной Солнечной Лиги, который в этом тысячелетии возглавляю я?

Во-первых, он призывает всех набраться мужества и не впадать в отчаяние. Во-вторых, приступить к срочному возведению системы термостойкой защиты. Для этого нам необходимо ускорить в разы добычу золота на Гее».

На этот раз, слушая текст, Илья не без некоего удовлетворения отметил, что в некотором смысле, вполне сносно разбирается в футуристической терминологии. «Естин», насколько он помнит, обозначает естественный интеллект, а «Гея», к примеру, эта та же «Земля», только с изыском.

«Возник дефицит золота для решения задач бессмертия, для достижения которого оно применяется в виде моноатомной модификации. Перед нами встает дилемма: либо снова стать смертными, либо увеличить число рабов, занятых его добычей.

–Бессмертие! Бессмертие! –проскандировал основной пул Хоруса».

«Пул Хоруса», – повторил Илья, это «Это заседание Совфеда – у них будет? Ну, разве чуток покрасивше. «Бессмертие!» Нам бы их проблемы, одним словом».

На этом эпизоде он решил-таки вырубить воспроизведение диска, дабы не портить себе аппетит.

После ужина намечен обязательный ныне анализ аудиозаписей допросов свидетелей. Времена Шерлока Холмса миновали. Прослушивание проведенных накануне допросов обязательно в работе следователей. Все нюансы непосредственно в ходе беседы не улавливаются.

Внимательно изучил последнюю запись, где Христина говорила о географическом атласе. Погуглил. Криволапкин, как оказалось, это писатель, пишущий на эвенкийском языке. «Географического атласа» его авторства в интернете не оказалось, но имелось фото одной из страниц. На ней представлена диаграмма с синими и красными флажками. В одном месте плотность красных флажков сгущена почти до большого красного пятна. Подписано: «Динамика распределения копальхенов¹ в месте падения Тунгусского метеорита в течение XX века (синие флажки – до и красные флажки – после падения, по Л.А Кулику)».

Как к диаграмме относиться, Илья не знал, но... опять метеорит...опять Кулик... опять копальхены...Весь этот информационный мусор «в топку».

Посмотрел на часы: до прихода Мити Каменного и господина Жеребова остается достаточно времени, чтобы разобрать остальные документы и системно объединить старую информацию с новой.

Он открыл в ноутбуке папку с надписью «Следственные материалы».

Заголовок файла: «Допросы свидетелей». Пробежал глазами по диагонали.

При допросах вначале, как водится, показывали фотографию пропавшего Урановского. Народного слугу узнавали сразу. Ясно, что его знают и любят. И переживают, что пропал. Искренне желают помочь следствию, не забывая вставлять едкие шпильки.

– «Великий человек. С ним уйдет эпоха». – «Такой же фашист, как и американские хозяева». – «Урановского в президенты». – «Абсолютный шизофреник, от фамилии Уран». – «Ё май. Шикарный политико». – «Очередной параноик». – «Прав почти всегда – он историк и

---

¹ Копальхен(эвенк.) – забальзамированное в болоте тело оленя, лося, моржа, чайки и пр.

политик, гений». – «Кремлевский клоун для выпуска пара».– «Красавчик, не даст страну в обиду».– «Доктор около всяческих наук»...

Остроты так и сыпались. В меткости суждений народонаселению ума не занимать. Особенно если есть чего покритиковать из своего родного и близкого.

Папка с материалами шоу *«Кто хочет стать миллионером»*. Видеофильм.

Урановский вальяжно восседает во вращающемся кресле. Иногда блестящим носком ботинка делает полную прокрутку. Он не волнуется. Знает, что минимум выигрыша на поход с близкими в ресторан ему обеспечен. Молодчина Дибров: выхватил из думской рутины и вовлек в сферу каверзных вопросов, что, пусть не чревато деньгами, но поднимает рейтинг.

– «Хотелось бы побольше отсюда унести, – кокетничал герой шоу, – да в школьном возрасте вместо того, чтобы зубрить, гонял по крышам голубей. В мои годы среди сверстников это дело считалось престижным, и я отдал ему досуг. А теперь эти медианы, биссектрисы... Кто их выдумал? Для чего? Думал ли я, что когда-нибудь это может понадобиться? Нет. В самых страшных снах – нет».

Талантливо упустив миллион, с сотней тысяч в кармане Урановский едет в Совфед. Там отчет по работе правительства.

Материалы по нему – в папке следственных материалов, датированной 11.04.2018.

«Расшифровка стенограммы из выступления лидера НДФЛ (Народно-Демократического Фронта Либерализма) в Совфеде» в Управление по угрозыску свидетельствует следующий спич, согласно которому, выступая в прениях Совета федераций, Урановский делает неожиданное заявление: предлагает сваливать мусор в тундру:

– «Мы со свалками разобратся не можем. Кстати, свалки тоже от советской власти идут. Все строят мусороперерабатывающие заводы. Швейцария ждет мусор из других стран. Все перерабатывают – а у нас он валяется. Это же видно! В этом же можно что-то наладить. Что, мы заводы сделать не можем, где шла бы переработка? Такая огромная страна! Давайте увозить туда, где никто не живет, давайте тундру засыпать этим мусором! Там некому, так сказать, проводить эти митинги. Туда не поедет московская оппозиция. Не доберутся ни на оленях, ни пешком... В тундру направьте весь мусор! В нашей стране – и вдруг некуда положить мусор? Это же наивность такая! Это чиновники сидят в кабинетах и не могут спуститься. Это же нельзя, чтобы люди выходили на улицу или открывали окна – и нечем дышать».

После сенсации, произведенной в Сов Феде, спецслужбы засекают Владлена Витальевича поочередно – в сауне, в парикмахерской и в ресторане на встрече с соратниками. Всюду, даже в предбаннике сауны, он не устает повторять версии своей неожиданной идеи.

Вот одна из них:

«Со свалкой вопрос решается предельно просто. В Красноярском крае расположены сразу два объекта возможных мусорных захоронений: плато Путорана и Тунгусское плато. Все это на Среднесибирском плоскогорье. Там географический центр России, озеро Виви 200 м глубиной. Там живут российские тунгусы с самоназванием «эвенки». Рядом – место падения Тунгусского метеорита. Первый исследователь – Леонид Кулик. Может, и не было метеорита, но Кулик был. Всякий кулик свое болото славит. Нашли поваленные деревья, раскопали

яму, обнаружили на дне пень лиственницы. Показалось, что он обуглен. Может, обуглен он молнией – через два десятка лет после «падения» метеорита какая достоверность?. Никто в болоте, так сказать со свечкой не сидел. Подишли в папочку небылицы про чум, который снесло и оленевода зашибло, что один олень зажарился... Где не бывает?. В дореволюционной России одних только баек про самовозгорание алкашей сотни записаны. А тут и деньги на шесть экспедиций с молодого советского правительства срубили. Стране подниматься после братоубийственной войны – а они ее под корень рубят. В этом еще разобраться надо. Поволжье голодает, а кто-то на казенные метеорит изучает. Изучают то, чему следов не обнаружили. Это все не просто так. В этом большая наивность, которой воспользовались международные интриганы. Рекламу сделали на весь мир – и поехали! Японцы едут. Итальянцы едут. Пора прекращать это дело. Неизвестно, до чего они доищутся. Это называется «пойди туда, не знаю куда, найди то – не знаю что». Так вот я вам говорю: пусть еще приезжают – а тут мусорная свалка».

«Силен Уран, силен чувак, – отмечает Илья. – На лету переобулся. Новый поход к проблеме. И для свалки, и для поездки. Bravo».

Но в подсознание, как иглами: метеорит...Кулик...

Вот еще стенограмма внутреннего изготовления [12. 11.18; 9:00]. Следователь с улыбкой вспоминает беседу с женой Урановского. Она рассказывает:

– «После того убогого шоу «Выиграть миллион» Владлен ходил сам не свой. Ведущий Дибров задает вопрос: что в начале XX века ели жители тундры: эмбрионы в яйцах, пенис собаки, копальхен, личинки шелкопряда – на выбор. Мой муж не смог ответить даже с помощью зала. Пошутил, что гонял в детстве голубей, но жизнь устроена так, что за все приходится расплачиваться. Вот так и сейчас.

Сдается мне, что с тех самых пор Владлен и стал рюкзак собирать. Шубу каракулевую купил. Невозможную ушанку из чернобурки (Вот оно!!!—NB! – отмечает латинским значком расшифровку Илья). притащил, уверена, из комиссии. Я –выкидывать, а он –«Не сметь!» Он вообще стал в семье автократом. Я подала на развод. А он связал бабушкиным красным кашне вещички в узел и исчез. Мне знакомые-доброжелатели прислали его фотку в валенках. Вот был «звоночек» так «звоночек»! Жаль я той громогласной сирены не услышала. Пишу СМС: «зачем?» А он стрелки переводит и всякие глупости в ответ. «Чтоб не замерзнуть, когда минус шестьдесят будет». Но мне было не до смеху. Я ему написала: – «Весь мир глобального потепления боится, а ты к оледенению готовишься».

– А он что?

–Он: «Мне мир не указ. На карту поставлена судьба страны и моя честь».

Я его спрашиваю: «Ты не к единоссам ли, дорогой, примкнул –так пышно выражаешься?»

– А он?

–Он в ответ – одну пропаганду и агитацию. Разве у членов нашего фронта, мол, родины нет? Ну и про отечество в опасности?

– А вы?

– Старалась колоть принципами и бить идеями. Обозвала «либерально-демократическим лобби».

– А он?

– Стал от любимых блюд отказываться. Перепелиные яйца отвергать. Красную икру не уважать. К креветкам не прикасался, пока я не поклянусь на уставе партии, что это

не личинки шелкопряда. На увещевания не реагировал, словно родная жена провокатор или коллаборационист. Без капризов ел только щи. Зеленые.

Илья (в замешательстве):

– Не стал ли он зеленым? Вегетарианцем, я имею в виду?

– Да он давно веган. А вы не знали?.. Но только тогда, когда горничная под пылесосом обнаружила его смартфон и платиновую карту «Жене на булавки», мое сердце забило тревогу. Было уже поздно, на связь он уже не вышел, – с надрывом сказала бедная эсеница и, всхлипывая, произнесла: – Вы не поверите, больше всего я боюсь, что он прыгнул в мусорный контейнер, и мусоровоз увез его...

– Куда?

– В тундру, – сказала она (рыдает)".

Жене Урановского –подательнице заявления о пропаже мужа, Илья дал рекомендацию не потворствовать слухам, в обществе делать вид, что все нормально; от лица мужа соглашаться с предложениями о снятии рекламных роликов и приглашениями на дебаты с разными фронтами, а там, как бог положит. И снимать с сайта реквизиты личного банковского счета мужа не советовал. Вдруг кто пополнит?. Лишние денежки сейчас ой как не помешают.

По его совету она разослала почтовые письма на имя мужа во все почтовые отделения муниципальных единиц Сибири, в каждый вложила по тысяче рублей на всякий не предвиденный, но вполне реальный случай. Например, при отсутствии банкоматов в радиусе пятисот километров. И все это в тайной надежде, что случай поможет мужу в нужный момент воспользоваться этакой «подачкой с неба».

*

Оторвавшись от изучения сыскных материалов, Илья поднял голову и вспомнил про рыбку. Взглянул на аквариум, он не увидел рыбки. Уйдя в водоросли, рыбка так из них и не возвратилась.

Илья отвел глаза. И тут же вспомнил, как дня два назад, неожиданно-негаданно напал на «кончик ниточки». Соседи на общественном балконе курили, а он с лифтовой площадки услышал:

– Скоро мусорная куча повыше мусорных контейнеров будет.

– Урановский предлагал мусор в тундре хоронить.

– И эвенков не боится?

– А че их бояться? Они оленеводы.

– Я раз видел эвенкийский нож в действии. В общем, с тех пор решил: в Сибирь не ногой! Все засмеялись. А один-таки сказал:

– Ураник похерил свою жизнь, высказавшись. Конечно, разве пройдет полноценный эвенк или тунгус любой мимо такого унижения? Тундру под дерьмо?.. Ну-ну...

Они-то просто посмеялись, а Илья через час стал счастливым обладателем билета до Красноярск.

Слова пацана: «Похерил свою жизнь», как пепел Клааса, стучали в сердце. Ведь речь шла не простом обывателе, а выдающемся политике –символе свободы слова и правды в стране.

В Управлении без вопросов дали добро и оформили командировку.

– «По свежим следам, говорите»? –спросила секретарь Таня, заказывая авиабилет в Красноярск.

– Так точно.

– Вы только побыстрей, действуйте, старший лейтенант.

– Почему? –спросил Илья, пытаясь разглядеть глаза, прикрытые накладными ресницами.

– Потому что ваш конкурент по этому розыску, Влад Корябников, вчера «по свежим следам» вылетел в Перу.

– Отлично, – сострил Илья. – Мне остается меньше мест для поисков.

Аэропорт Красноярска выглядел, как все аэропорты мира, но трескучие морозы и снежные сугробы вдоль дорог выделяли его от остальных, виденных Ильей прежде. Сразу же завернул к другу Николке Ёлкину. Вместе служили они на норвежской границе и уж с тех пор знали, что согреться на спасительные чуть-чуть можно, обнимая ствол дерева.

Но не до воспоминаний было сейчас. Пропал человек. Выдающийся политик, русский нострадаamus, любимец народа. Когда Илья рассказал Николаю подоплеку приезда, тот предложил ему воспользоваться дроном, прежде чем отправляться в тайгу без известного азимута.

– Надо пользоваться современными технологиями, – сказал, – А не искать магнитом иголку в стогу сена. Тайга большая. А зимой – еще и холодная. Минус шестьдесят – это не шутка. Даже известный романтик и певец суровых будней Клондайка, когда его героев по прихоти повествования заносило сюда, в Сибирь, терялся. Сминал парой фраз весь сюжет – и опять в дом какой-нибудь Мапуи в Индонезию. А для дрона минусы – бальзам.

Илья слушал. Николай и в армии отличался начитанностью. И совет дает сейчас неплохой.

– Кроме того, эвенки, эвены и ненцы – совсем не то, что североамериканские индейцы. . . – продолжал друг.

– А в чем разница, не просветишь? – спросил Илья. – Я всегда считал, что сибирские племена менее воинственны, чем родственные им могиране с чероки, вместе с их луками и на мустангах. . .

– Не буду спорить. . . – сказал Николай. – Индейцы более воинственны. Они охотники. Наши же кочевники-оленоводы миролюбивы, крепче срослись с природой. За то и природа поверяет им свои недетские секреты – ну, совсем не детские. Такие способы выживания, что о-ёй! Выходцу из Европы их не то чтоб понять, иной раз представить невозможно. Один *копальхен* чего стоит.

Так во второй раз Илья услышал про копальхен. . .

Копальхен – это сакральная еда сибирских народов, – уяснил он себе из объяснения Николая. Если еды появляется много, то ее закапывают в болото, ставят метку – лиственничный кол с красной тряпкой, а через год или два съедают. Если долго нет стихийных бедствий, то их имитируют: не кормят оленя, гоняют его и убивают без кровопускания. А дальше все то же.

В общем, согласился Илья на беспилотник.

Сказано-сделано, связал Николай друга со специалистами. И с одним из операторов дронов Илья договорился встретиться в Вануваре, куда единственно на чем добраться можно – так только на вертолете. Уговаривать долго не пришлось. Здесь мало что по бумагам делается, посмотрели в глаза друг другу – да и стукнули по рукам.

2.

Итак, оперативные материалы просмотрены. Память обновлена. А «друзей» всё нету...
...Пока суть да дело, заглянул Илья в карты Гугл. Не мешает познакомиться с театром розыскных действий.

Изучая карту, Илья стал потихоньку понимать Урановского. Чего только стоят невозможные, на взгляд обывателя, размеры! Весь этот пространственный размах сейчас под снегом, но круглый год заполнен сопками, буреломом, безлесной каменистой пустошью или болотистой топью...

И почему, собственно, нет? Почему не впрячь матушку-Сибирь в естественную переработку городских отходов? В конце концов, все сгниет. Останутся удобрения. От мутаций вырастут новые породы деревьев. Вдали от людей. Это безопасно, в глобальном смысле даже полезно.

Так что надо верить в удачу – в то, что он, Илья, скоро встретит пропавшего проектанта-новатора, который осчастливит Россию видением новых горизонтов. Почему нет. Флаг в руки. Пусть делает в плато Путорана мусорозавод.

*

Господин Жеребов прибыл из подшефного хозяйства, под самую завязку дня. Он вошел вместе со знакомым Илье низкорослым проводником – шумный, пахнущий морозом, тайгой и оленями.

– Аум сваале.

Обнялись, похлопали друг друга по плечам, как положено братьям по крови –служилым людям.

Жеребов подтвердил прибытие Урановского в Ванувару два-три дня назад – запомнил, правда, точно, когда. Очень уж много дел свалилось на голову: зима – период оленеводческой страды. Оглядев ворсинку, сказал, что черно-бурые лисы здесь не водятся, да и зачем? Если на все про все оленьих мехов по горло хватает.

– Олень –безотходное и экологически чистое животное, – сказал он. – А шуба у вашего беглеца была из белого каракуля. Я видел и посмеялся. Шапки, правда, не помню. При мне был без нее. – Он раскатисто рассмеялся. – А че на мелкомасштабное дело аж из Москвы прислали? Своих, красноярских, не хватает?

– Люди пропадают, как вы пишете, массаи. Это не мелочь, Теодор Иванович.

– Илья Семенович, поймите, перестраховщики они. Я имею в виду здешний народец. Да, пара-тройка пропащих зафиксирована, може, с женами поссорились и сбежали...но если вывести среднее арифметическое за несколько лет, то разницы с соседним регионом не увидишь. Один и тот же уровень держится, как ни странно, со времен царской России. Ей богу.

Илья почувствовал неувязочку. Припомнились слова Христины: «Это меня Жеребов попросил». Но Жеребов об этом ни слова, только переиначил известную поговорку на свой лад, не заметив, что не в свою пользу, да это ему, видимо, было все равно:

– Есть, как говорится, правда, и есть статистика. В общем, советую вам, юноша, отдохнуть у нас тут по полной. А возможности есть. Воздух чистый, пища экологическая. А вы на охоту ходите. Вот, Алешка, места знает, где глухари водятся, подледный лов опять же. Эндемик уйма. Сюда москвичи приезжают нервишки подлечить. Чего еще-то?.. Хошь, к самому Олей-ны свожу на Карское море. На вертолете казенном –ух! –прокатимся с ветерком. Это наша достопримечательность. Гордость. Настоящий шаман у нас родился. Отшаманит что угодно, перешаманит кого хошь. Ему почти сто двадцать. Падение метеорита захватил. А с пропажами я сам разберусь.

Он похлопал Илью по плечу, окликнул Алешку-проводника, и собирался уж исчезнуть за пологом в темноте, когда Илья спросил:

– А как быть с показаниями Христины? Она утверждает, что вчера в библиотеке произошло хищение.

Илья кратко рассказал о сегодняшнем эпизоде.

– Атлас Криволапкина? – поморщился Жеребов. – Он противоречит науке и результатам современных изысканий. Лженаучно утверждает, что никакого метеорита не было! В то время как весь мир знает обратное и шлет сюда экспедицию за экспедицией. Итальянцы были, китайцы были. Уже и французы с японцами собираются. Весь мир ошибаться не может. Плевать на этот атлас! Пропал –туда ему и дорога.

– Есть ли у вас второй экземпляр в наличии?

Но полог уже закрылся за Жеребовым.

Илья сплунул. Похоже, в этой точке земного шара все прошито метеоритом. Даже мозги. Возможно, навылет.

Одно ясно: веры в слова представителя местной администрации у него не было. Прикрывает что-то. Ведет свою игру и Москву в нее принимать не собирается.

Митя Каменный появился, когда уже село солнце – и то правда, что солнце тут зимой садится в три-четыре часа. В одной руке он держал черный чемоданчик, другой стаскивал на ходу рюкзак. В чемодане оказалась НСУ – наземная станция управления. В вещмешке находился сам дрон. Илья удивился: беспилотник был, как птица – оперенный и с клювом, и с когтями.

– Я не так представлял его себе.

– Дык это под гагару, оперение – натуральное, – сказал молодой человек. – Эта птица – национальный символ эвенков. Нельзя, чтобы цивилизация нарушала гармонию здешней природы, иначе она отомстит.

– Больше на ворону смахивает.

– Не важно, как устройство выглядит снаружи, главное, чтоб решало поставленную задачу. Летные характеристики отменные. Дальность полета 100км. Время в полете 2 часа. Средняя скорость –50км в час. Надежность начинки 99 против 100. Что еще надо?

В ожидании завтрашнего утра, решили отдохнуть – поиграть в нарды, которые соблазнительно лежали на тумбочке.

– Час, не больше, –добавил Илья. – Потом наша задача – посмотреть телевизор и выспаться. Вот и все. Собраться, так сказать, с физическими и моральными силами.

– Не волнуйся, – успокоил Митя. –Все будет тип-топ. Если Уран тут, то от нас не уйдет.

В паузу активного отдыха Митя рассказывал о беспилотниках и своей семье. Он любовно гладил свое детище и приговаривал:

– Это наш семейный питомец. Я его «Гагарой М» назвал. М –это начальная буква моего имени. Помнишь, классик писал: «Им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни...» Дык и правда, кому она нужна сейчас –эта беспрестанная борьба?..По мне так, главное, прогресс. Научно-технический.

Усыпал Илья с наушниками в ушах – хотел дослушать-таки найденный диск. Из чувства долга. А вдруг там в тексте код зашифрован. Сейчас частенько такое бывает. Пропущу – коллеги съедят. Со свету ядовитыми насмешками сведут.

***«–Бессмертие! Бессмертие! –проскандировал основной пул Хоруса.
Кланиред Пятый поднял руку, взывая к тишине.***

– Несмотря на известные минусы, – продолжил он, – вряд ли кто добровольно откажется от бессмертия. Мы не можем примириться также с отказом добровольцев...

На экранах появляется безволосая голова нибируанина, только что прибывшего на Хорус в составе официальной миссии. Это Кростуатару, Главный Генетик Солнечной системы.

– Нибиру приветствует вас! – обращается Кростуатару к Хорусу. – Поддерживаю озабоченность светозарного Кланиреда Пятого. Разумеется, мы не сможем отказаться от бессмертия – главного детища совместного прогресса».

– Че ты там слушаешь? – услышал Илья сквозь наушники голос Мити. – Сюда прорывается. Дал бы послушать. А то под вещание твоего лысого сон не идет.

Илья кинул ему один наушник – «и то будет повеселее», – решил он.

– Держи, ты молодой, пока тебе аплодисменты еще не надоели!

«– Конечно, вместе с этим мы рискуем остановить свою эволюцию, но развитие искусственное, благодаря поставленной на поток экстракции генетического материала земных гибридов и клонов, поможет нам. Вторым минусом идеи бессмертия, как вы знаете, является ограничение размножения, благодаря которому мы крепче сплавляемся друг с другом. Физическое напряжение не для нашей стати и, в любом случае, работу по добыче золота должны производить не мы и не наши дети.

Его речь прервалась бурными продолжительными аплодисментами.

– Я берусь, – продолжил Кростуатару, – подтвердить готовность генетического корпуса к работе по созданию специальной рабсилы.»

Отметив сонным мозгом, что в тексте говорится о рабах далекого будущего, Илья отключился от повествования и чувством выполненного долга уснул.

Когда проснулись, было темно. Светать зимой здесь начинает ближе к обеду. Позавтракали и стали ждать просветления природы. А пока штудировали географическую карту местности и намечали маршруты облетов.

Наконец ГагараМ взмыла в небо.

Оба следили за полетом: Митя руководил в специальных очках, а Илья сидел с ноутбуком. Видеокамера по GPS сообщала об обстановке. Снежная пустыня расстилалась перед глазами... Сначала несходство со вчерашними картами ошарашило Илью, но потом он привык к белизне и стал выделять по едва уловимым штрихам низины и возвышенности, заснеженный хвойный лес и ягельные делянки. Потом пошло-поехало: помчались низом сосняки, кедровики, заснеженные скалы с болотами и речушками между ними... заимки, ноябрьские ледоставы, лесная живность...

Не бездушной пустыней оказалась тайга.

Когда беспилотник получал команду от оператора идти на снижение, он залихватски сбивал снег с верхушек елей, обнажая зеленый их остов. И тогда белки, хорьки и другая мелкота, что, притаившись под ветвями, выжидала, когда улетит это страшное – и похожее на птицу, и жужжащее, как жук, чудо. Почувяв его совсем уж вблизи, лесное сообщество прыгало или разлеталось врассыпную во все стороны.

– В прошлом году, ближе к весне, я видел, как медведи вылезают из берлог, – хвастался Митя. – Так забавно. Сначала высунут нос и ждут – типа, не каплет ли. А когда медвежата появляются – вот умора! – они клубками начинают по снегу кататься, проталины с гонобобелем разорять, на эвкалипты за орехами лазить. Ну, кино лучше мультяшек.

Дикие олени, олени стойбища, каюры на санях в упряжках, волчьи стаи, припавшие к снегу лисы – всё проносилось перед глазами наблюдателей. Только не то, что искали.

Два раза отправляли дрон в небо, два раза он возвращался ни с чем.

С третьего раза нашли! Среди снегов размеренно двигалась серая точка.

Митя присвистнул.

– Это из-за серого цвета мы ее не замечали!

– Серый цвет получался от смешения почти черной шапки путника с его не совсем бело-снежной шубой, – сказал Илья, зная, во что был одет Урановский. – Экипировка славно продумана.

Наблюдатели некоторое время молчали, впившись в едва заметную «серую блошку». Они, хоть и верили в свой проект, но теперь не верили собственным глазам. Да и кто поверил бы в подобный сюр?

Серая блошка уверенно бороздила Среднесибирское плоскогорье в северо-западном направлении, когда ГагараМ сблизилась с фигурой.

– Так это он?

– Да, это он.

– Дык шустер шибко. Сколько ему полных будет?..

– Да лет семьдесят.

– Верится с трудом. Да... блин!

От произошедшего впору было б и покруче выразится... С разгона и под уклон –и, как бы между прочим, сановитый лыжник буквально перелетел небольшую балку, сняв снег с верхушек багульника по краям.

Бодро и уверенно размахивая руками, некто стремительно преодолевал бескрайнюю снежную равнину. И лишь они, одни на всей земле, знали: никто иной как бессменный мэтр и прорицатель земли русской шествует по Сибири. Кто еще способен на такое!

Илья сверился с картой.

– Слушай, брат... блин... Это ведь... Подкаменная Тунгуска?! В один момент, блин, он уже там!

Наблюдатели переглянулись.

А мудрый, прямой и справедливый патриот, преодолев пойму замерзшей реки ни за понюшку табака, скользил по равнине со все большим ускорением.

Илья с Митей продолжали бездействовать, изумленно следуя взглядами за движущейся точкой... но нужно было что-то делать.

Митя нажал кнопку снижения беспилотного устройства...

– Он идет так быстро, что «Гагара» едва поспекает – как это может быть? – сказал он через минуту. – Скорость под 50 км. Я соглашусь, если б это было под уклон... Но уклона нет! Разбудите меня, пожалуйста!

И в тот же миг фигура остановилась. Как вкопанная.

– Провалился! – ахнул Митя.

– Проваливается... – уточнил Илья.

По мере приближения беспилотника все яснее становилось, что отслеживаемый объект погружается в снег, как в зыбучий песок. Лыжник беспорядочно махал руками, отталкивался палками от поднимающихся краев ямы, в которую так бесславно угодил. Беспилотник подлетел уже достаточно близко, чтобы видеть его одежду и слышать голос.

– Аум... Аум сваале!.. – передала камера крик.

Урановский несся на наблюдателей. Вернее, не он, а его изображение на дисплее. Увеличиваясь по закону перспективы, он как бы вращался против своей оси. Вот вид спереди. Прямо

в упор, вот вид справа, при котором он слегка приподнятым капюшоном смахивает на какаду. А сзади... На шубе – какой-то знак красного цвета... не разглядеть...

Вот цикл начинается снова. Все ясно. Это дрон, как шмель, кружит над народным любимцем... Жужжание не осталось не замеченным. Гений дипломатии крутится во все стороны, пытаюсь разглядеть помеху... – да не тут -то было! Дрон близок, как насекомое, желающее вонзить жало...

На миг камера дрона направляется прямо в лицо отважного прорицателя современности. На дисплее отчетливо видно страх, переходящий в ужас...

Что видел перед собой почетный провидец будущего, этот непревзойденный футуролог настоящего? Одному богу известно... Но только перед наблюдателями его лицо сменилось геометрической фигурой, что на спине... Краснее еще краснее... Вот уже красный фон залил весь дисплей... он становится багровым, бардовым, фиолетовым, черным... И вот темнота накрыла дисплей, раздалось характерное пи-пи-пи...

– Батарейка сдохла, – сказал Митя так просто, будто предшествующие обстоятельства не значили ничего.

Илья схватил новоиспеченного товарища за грудки. Сам удивлялся, откуда брались вылетающие изо рта слова. Наверное, память предков проснулась.

– Оживляй, контра, своего ворона! Не то ответишь. Перед лицом народа будешь ответ держать за действия своего ворона!

– ГагарыМ... – хрипло вставил Митин голосок.

Илья отнял руки, сунул в расстройстве в карманы и нащупал пачку сигарет, которую обещал жене целой и невредимой привезти обратно в столицу. Пачка лопнула под жесткими пальцами. Сигареты рассыпались по линолеуму.

– Ты... ты хоть понимаешь, что произошло? А ну оживляй своего дрона ползучего.

«Может быть, еще не все потеряно», – мелькала докучливая мысль. Потерпев несколько минут, пока товарищ мучается с прогой, другими словами, страдает ерундой, Илья смял сигарету и скомандовал по-армейски привычное:

– Рота! Зарядить батареи! Ноги в лыжи – и айда!

Илья не узнавал сам себя. Всю дорогу такой предусмотрительный в своих инициативах, верящий в трансёрфинг и курс единоклассников, любящий жену, сына и соседей, а главное, уважающий Владлена Витальевича Урановского – допустил чудовищный промах – связался с новаторской технологией, которая не прошла испытания практикой еще ни одного поколения!

Как бы то там ни было, а наши герои стояли на лыжах, застегнуты на все пуговицы и с нахлобученными капюшонами.

С опаской глянув в сторону покрасневшего солнечного диска и произведя крестообразное движение рукой, плавно переходящее в проверку крепления лыж, Илья дал низкий старт. Митя последовал за ним...

Наст тихо потрескивал под ударами лыжных палок, посвистывал под широкими эвенкийскими лыжами, колючие кристаллы, сдуваемые с него, кололи незащищенные участки лица. Особенно доставалось второму лыжнику, так как ему дополнительно приходилось претерпевать воздействие со стороны колючек, рождаемых взвихриванием снега первым путником. Но Митя – а это был он – мелочи пускал побоку. Все это ничтожно по сравнению со сверхсжатием подкрашенного спирта в термометре, которое не зависело от воли ни одного из гомо-сапиенс на земле.

Каждый из лыжников прекрасно понимал, какому риску подвергались они, отправившись в поход по Среднесибирскому плоскогорью непосредственно перед декабрьской ночью

без GPS-навигатора и без запасного аккумулятора в кармане. Клондайк отдыхает! Здесь вам не Аляска, здесь климат иной.

Пока шли, и хаотические мыслишки чертили нейротреки в мозгах «спасателей» –по крайней мере, они себя таковыми считали – руки и ноги входили в ритм, грудь расширялась, наполнялась вторым дыханием...

Глобальное потепление не зацепило этот уголок планеты, не нанесло неизгладимый отпечаток на здешние широты. Практически ничего не изменилось. Народу на пути разве стало поменьше. То есть, вообще никого.

Ночь неумолимо падала на сверкающие сугробы. Послышался волчий вой, и Илья вспомнил, что они не захватили с собой ничего, что берут с собой самые непредусмотрительные путешественники. Ни зажигалки, ни корочки хлеба, ни глотка жидкости. Впрочем, насчет воды, можно было бы не заморачиваться – протяни руку и обязательно нащупаешь ее кристаллы. Единственно, протягивать не хотелось – ни рук, ни ног –они сразу бы отмерзли. Оставалась одна надежда на спасение Урановского –сам Урановский. Он депутат Госдумы –и обязан был быть готовым ко всему, иначе какой из него слуга народа?..

Путники не заметили, как на противоположной стороне неба взошла луна и успешно конкурировала с красной половиной внезапно большого солнечного диска, тонущего в снежном море.

Разворачивалось явление, описанное одним из сподвижников Ермака. Так называемое «Лунно-солнечное скрещение», видеть которое довелось немногим счастливым – землепроходцам Сибири. Вот и сейчас скрещение почтило собой землю тунгусскую. Лунная дорожка, идущая по насту с севера на юг, пересеклась со световой дорожкой – с запада на восток.

Крик, не похожий не на один ранее слышимый, прорезал темнеющий воздух.

Митя присвистнул:

– Стоп! Сдается мне, хозяин тайги голос подает!

– Медведь?

Илья попробовал тормознуть – осторожно, чтобы Митя не сшибся с ним.

– Алмасты²! Аум сваале!

– Что-о?

– Чучуна!

Илья прекрасно слышал имя того, кого Митя назвал «хозяином тайги». Отчетливо прозвучало и нездешнее «ругательство».

Но сознание не успевало за деформацией реальности. Да и тормознуть не удалось. Лыжи сами по себе скользили вперед.

С каких пор они попали во власть гравитационной воронки, трудно было сказать. Слишком торопились они прибыть к событиям до темноты и могли пропустить начало «разгона».

Лыжники не прилагали никаких усилий, но их несло в направлении, заданном при старте. Илья выставлял палки вперед, сопротивляясь движению, однако, не в полную силу, рискуя потерять равновесие. В итоге результате с нулевым эффектом.

Каждый из путников по своему опыту знал: если программа дает сбой, надо, первым делом, остановиться. Но именно этого теперь не получалось.

Тогда мышлению необходимо ускориться, чтобы остаться в адекватности...

Вот с этим-то получше.

– Приказываю роте залечь, – крикнул Илья, – до четкого выявления угрозы!

И грохнулся в снег.

Митя, гражданский, мгновенно подчинился...

---

² Снежный человек (алмасты, чучуна, йетти)

Лыжников накрыл шквал. Плотностью тверже асфальтового катка, а диаметром больше радиуса выбоины, в которой очутились лыжники – он пронесся, утрамбовав их в снег, как две ольховые колоды.

Там они и пребыли до наступления утра, время от времени вскрикивая, словно будоражимые сходными сновидениями.

«– Я берусь, – продолжил Кростуатару, – подтвердить готовность генетического корпуса к работе по созданию специальной рабсилы. Предлагаю, в частности, рассмотреть проект зауральского подземного реактора в жерле спящего 50 миллионов лет вулкана. Мы выведем высокоинтеллектуальный сорт рабов под подходящим названием «сихитря». Элитный клан их будет заниматься изобретением эффективных вариантов синтеза золота. Назовем изобретателей «алхимиками». Остальные примитивные гоминиды, под общим названием «неандертальцы», будут отличными охранниками, надсмотрщиками и логистиками золота, стекающего из реакторов, расположенных в разных точках Геи.

Кростуатару сделал паузу перед тем, как сказать самое главное.

– Проблема заключается в том, что любые генетические эксперименты имеют своим пределом генетическую матрицу планеты...Кроманьонцы – это венец эволюции».

– Что он хотел этим сказать? – спросил Митя, просыпаясь. – Что мы все недоделды?..и такими останемся?..

Увидев вокруг снег, спросонья пришел в негодование и в возмущении принялся «выгребать» из снежной могилы. Это было не просто. Верхний слой снега уже смерзся и стал непробиваемым. Так что по пути на поверхность вспомнились и мама с папой, и бабушкина быль о происхождении фамилии Каменный, и исповедь шамана Виктор³, о котором оператор дронов не раз слышал от своей жены Иниры.

Этот известный и сильный магическими возможностями шаман, отходя в мир иной, заклинал племя эвенков никогда не преступать трех заповедей, соблюдение которых спасет «детей Сибири». Те, забывая об инстинкте самосохранения, продолжали выживать в Сибири иногда очень высокой ценой. Сам Виктор в полной мере относился к ним: он был инвалид – и он был шаманом.

Первая заповедь повелевала всегда и везде, при всех лунах и расстояниях от своего чума идти на помощь сАмому ближнему своему, и только потом – остальным. *«За-ради ближнего не пожалея двух дальних или мизинца своего».*

Вторая заповедь Сибири гласила: *«Когда кончатся дальние или мизинцы ног, переходи к рукам».*

Третья заповедь касалась неукоснительного соблюдения первых двух, пока не будет разрушен некий Нижний Мир...

Не фиксируясь на третьей заповеди, Митя решил, что пока все мизинцы целы, надо использовать их на всю баранку. С трудом отцепив лыжи, ногами и руками Митя разгребал снег с силой землепроходческой машины.

Вот он на поверхности сугроба. Сияние лунно-солнечного перекреста слепило глаза, и Митя закрыл их. Рычание заставило разлепить их снова... чтобы увидеть перед собой расплывчатую в очертаниях лохматую фигуру.

Этот чучуна, вне сомнения, и – это просто взрывало мозг – держал в лапах цилиндр, похожий на человека. Другими словами, йети держал в руках кокон – скрученные кожей

---

³ Шаман Виктор – практиковавший в XXв. глухой на оба уха сибирский шаман

лентой широкие эвенкийские лыжи, формирующие нечто... в белой шубе, прикрытое с одного торца шапкой из чернубурки, а с другого – валенками...

Похоже, в подобный цилиндр пытался смять шквал поздно вечером и спасателей – да помешал Илья с дикими приказами да широкая выбоина.

– Неужели... – прошептал Митя. – Аум сваале...

Митя не был в курсе, что краткой репликой запустил телепатический диалог.

«Бальбука⁴, это сделал Бальбука», – проникло ему в мозг.

При звуке этого имени, в памяти Мити колыхнулось давнее, очень давнее воспоминание из детства.

Он сидит на постели, а кругом темнота. А рядом рычание. Кто-то – холодный и твердый, не похожий на Серко – сидит рядом с ним и рычит, и страшно клацает, и неприятно дышит... И в следующее мгновение каменная доска-дирэ⁵ наваливается на ребенка, прижимая его к матрасу. Ни одним пальчиком, ни одной фалангой не может шевельнуть Митя. Не может призвать взрослых на помощь, потому что для этого нужно вздохнуть, а он сжат так сильно, что и на самую малость не расширяется грудь. Победив волю мальчика, свирепая сила начинает крутить его, как отец плоским камнем-дартон* скручивает оленину, чтоб сделать из нее сушеную куркию* – сытную мясную палочку... Неожиданно в печке ломается едва краснеющий чурбак и вновь вспыхивает пламя – и черная доска, становясь видимой, испаряется, будто боясь света. Воздух входит в грудь... На крик внука вбегает старая Сита и разминает мальчишечьи, слепленные с телом руки. «Бальбука, – повторяет она, плюясь, – злой Баалбей шибко замотал тебя в мертвую пряжу...»

– Баалбей?! – вскрикивает Митя.

С этим именем пришла к нему память о сказании, которым «угостил» обретенного друга на добрый сон Илья в день приезда в Ванавуру:

«– Поприветствуем же дорогого Баалбея, прибывшего к нам из созвездия Орион звездной общины Нога!»

На экранах появилось изображение существа, явно не относящегося к подтипу позвоночных, да и вообще к типу хордовых. В нем едва просматривались признаки членистоногого в личиночной стадии развития. Короче, он имел вид навозного червя.

Восходящие кольца утолщались и увеличивались в диаметре, венчаясь бугорчатым набалдашником, на котором болтались выпуклости чувственных анализаторов. Особенно пуклились обонятельные. Они обладали восприятием через экран и могли заменять глаза. Для общения с этой внесолнечной расой гуманоидов специально были разработаны телепатические ретрансляторы».

– Я отдам все свои мизинцы! – кричит Митя. – Ближние и дальние... Берите, пожалуйста! Только отпустите...

В этот миг прессованный снег рядом вспучивается, и из-под него высовывается рука в оленьей рукавице, затем знакомая рыжая шапка, отороченная свисающими хвостами хорьков. Ее Митя за вечерний поход во всех подробностях изучил с затылка.

Еще миг – и из сугроба показывается целиком все тело Илья.

– Минуточку, – говорит следователь, с места в карьер обращаясь к незнакомой фигуре. – Предъявите документки, будьте добры.

⁴ Бальбука (Баальб) – властелин Нижнего мира в эвенкийской мифологии

⁵ Дирэ (эвенк.) – разделочная каменная плитка

– Это же... –шепчет Митя. – совсем не гражданин... Прошу тебя, Илья, не порть мне дело! Я обо всем с ним договорюсь.

Илья, однако, не вменяем: ужас предков молчит в этом европейском человеке. А может, что-то произошло в его голове в результате приготовления Бальбукой рулета.

– Я разговариваю не с вами, – Илья разворачивается всем корпусом к чучуне. – Гражданин, предъявите документы, удостоверяющие вашу личность, иначе я буду вынужден задержать вас до выяснения...

Внезапно чучуна, настолько большой, что заслоняет от путников весь горизонт, кладет перед собой кокон, отдаленно напоминающий человека. Можно видеть, что тело это вытянуто по струнке и ограничено вдоль лыжами, как шинами. Громадный чучуна протягивает лапу и вплющивает хорьковую шапку в голову Ильи. Придавливает ее так, что, кажется, и губы, и щеки вместе с шапкой уходят в плечи... И только черные хвосты хорьков, словно воротник, топорщатся наружу.

Илья смолкает и с той минуты производит впечатление безмозглого истукана, с изредка подрагивающими заснеженными ресницами.

Голос, временами переходя, в быстрый птичий щебет, продолжает диалог с Митей.

–Только один, только один из этих людей спасется именем Закона Сибири...

Что делать Мите? Мозг зашкаливает, а помощь не приходит. Даже привычные светила в небе отвалили в сторону.

Для выбора, который должен сделать молодой красноярец, не хватает сил.

Человек падает между коконом и истуканом. Руки его пластаются так, что правая указывает на спеленатого «Урановского», а левая –на другого «ближнего», парализованного прикосновением чучуна.

Никто тогда не сказал Мите, что он может больше...куда больше!

Так или иначе, но он Митя долго оставался немым и неподвижным. Да и чучуна не отличался терпением, таким же большим, как его тело. Он устал ждать и ушел. Просто пошел по своим делам. Напоследок оглушительно свистнул, как делал исстари – разбойничьим посвистом.

Свист казался роковым – он отнял слух у Мити.

...Спустя некоторое время истукан дрогнул и зашевелился.

Поднял голову и распластавшийся на снегу человек.

Встав на четвереньки, он долго мотал головой из стороны в сторону, пока не сказал:

– Раз, два, три. Ох. Кажется, я оглох.

Недвижимым остался лишь «кокон». Второй спутник протянул к нему руку и она, будто отдельная сущность, двигая пальцами, как крохотными ножками, принесла ладонь к лицу спеленатого человека.

– Нет-нет...Он спит...

Но бывший прежде истуканом, вскочил на ноги. Не разбирая пути, он бросился в сторону. Забыв про лыжи, сковавшие ноги, застопорился на месте. Упал с размаху на снег. Перевернулся, встал, кряхтя, и пошел прочь, но уже старчески согнувшись и едва передвигая ноги.

Оставшийся не смотрел вслед товарищу, с которым только вчера подружился. Он то скидывал, то снова одевал шапку, шепча: «Раз, два, три – проверка слуха...» Затем махнул рукой, вздохнул и опустил взгляд на «кокон». Обошел его со спины и рассмотрел торчащие из спины остатки ГагарыМ.

–Не гагара ты, а ворон. Прав был мой друг Илья.

Создатель дрона даже не старался высвободить то, что осталось от его технического детища, просто выломал деталь и стал этим копать снег. После часа напряженной работы он произнес:

– Молодец же я, что сделал крылья из легированной стали, а не из карбона, как советовали.

Втащил кокон в вырытый ров и зашвырял снегом с землей, затем по вчерашней лыжне отправился обратно. Думал, что не вырваться из гравитационной воронки. Но она пропала. Исчерпала энергию своего воздействия. Все равно ноги, будто пудовые, двигались замедленно... просто от усталости.

К полудню Митя прибыл в Ванувару и сразу сообщил администрации поселка о необходимости вызова спасателей для поиска пропавшего человека.

*

Совсем по-иному развивались события по другую сторону от воронки Сулова.

Зарядившись программой от длани снежного человека, следак и спасатель шел, все больше удаляясь от поселка. Мозг не отвечал на вопрос «зачем». И не смог бы. Именно это почувствовал Митя интуитивно, назвав друга «бывшим».

Шаг за шагом пересекал новоявленный зомби пустошь, приближаясь к неизвестной конечной точке. «Видео-карта» мозга в режиме слайд-шоу демонстрировала одну фантастическую картину за другой, все путаней и бессвязней...

Вот Урановский выступает с речью в Ватикане с призывами совершить Крестовый поход на Нибиру...

Вот «Гагара М» превращается в пассажирский «Боинг 737» ...

Вот гремящая железом мусорка на первой космической скорости выходит на орбиту Земли и, рассеивая содержимое над странами и континентами, стыкуется с обвешенной водорослями Международной Космической Станцией...

«Аплодисменты. Откуда-то выныривает Баалбей, дожидается тишины в эфире и продолжает:

– Я одобряю средне-дробную схему использования порожденного Геей человечества. Это всего лишь развитие идеи Кростуатару. Пальму первенства уступаю. Итак, в популяции гоминид создаем четыре расы, с различными цветами кожи и глаз, а также пропорций тела. Оставляем возможность скрещивания. Это создаст долгосрочную напряжённость, которая даст богатый инструментарий для манипуляций.

Аплодисменты».

Картины исходили из разных точек пустоты, как Баалбей, как МКС со дна океана, но Илье удалось вычленить сущность, жестко сводя глаза в одну точку пространства, где изображение не тасовалось с другими, а было стабильным. Как лошадь с шорами у глаз, он двигался по прямой, прокладывая идеально ровную лыжню.

И под влиянием одного лишь из видений он вдруг взял и изменил ей!

Трудно найти слова, чтобы отразить кошмар проснувшегося в холодном поту человека. Так и сейчас. Увиденное неожиданно пробудило спящее сознание: цепочка странных силуэтов ковыляла по его путаной лыжне среди темного леса. Произошло это единожды и потому не является достаточно достоверным.

Страшные органические творения преисподней из легенд о вампирах и упырях – без красоты, света и радости, с единственно неизбывной тоской в глубоких глазницах – они владели телами под лунным светом. И лишь когда вдруг поднялись опущенные головы, то в глазницах несчастных исчадий отразился свет. Он был всего лишь тусклым светом луны. Если б не

этот случайный блик, то головы этих феерических созданий верней было б назвать черепами, а тела – скелетами; их в целом – живыми мертвецами-навьями.

И кто знает, коли б не этот проблеск, то и в остывающем сердце зомби не всколыхнулась бы ни одна человеческая струнка...

Миражное видение заставило Илью остановиться. Это было нелегко. Обмороженные губы не работали.

Команда «Рота, стой!» сработала лишь с третьего раза.

Обхватившему дерево руками человеку, удалось-таки согнуть ноги и прошептать секретный пси-код. Всех курсантов на курсах по слову матрицы заставляли их выучить наизусть в прямом и обратном порядке.

«Семь-раз-образ-раз».

Код запустил процесс синтеза пси-фракталов.

«Половцы держали на цепи» ...«нижний лимит гипноза»...«играть в биты все равно»...«младенцу боксировать с Хабибом»...

Лишенных смысла, их выделили как способных реструктурировать сознание.

...Невидимые пути слетели, как струпья с тела больного при выздоровлении. Ноги двинулись с места, да и сразу в карьер.

Ледяные розги ветвей хлестали по щекам. Ноги мчались вперед так, что туловище отставало. Обледеневшую голову закручивало вбок на девяносто, сто градусов. Глаза вспучивало. Язык выдирало.

Рукава цеплялись за сучья, раздиравшие одежду. Одной рукой то и дело приходилось вышибать другую, застрявшую в ловушках...

Расщепленное восприятие лишь спустя некоторое время разродилось элементами реальности в виде тощих елок.

Еловый лес сначала казался бороной, брошенной гигантом на сопку. Борона причесывала звездное небо.

Илья лежал на спине, уже контролируя процесс.

Он понял: был день, но кончился, и наступила ночь, и он отбился от холодного духа Сибири.

Илья встал, выпрямился и пошел дальше в поисках людей с их теплыми очагами и сердцами.

Огибая метлой торчащих из одного буерака елей, Илья поднял голову, и его взору предстала страшная когда-то, но сейчас милая до слез, знакомая с детства, картинка.

Окруженная безмолвным лесом среди залитой лунным светом поляны стояла избушка на курьих лапках.

Илья осел в сугроб, зачерпнул пригоршней снег и с блаженным чувством ощутил вкус воды, за которым пришло чувство голода.

Присмотрелся. Не лапки это вовсе. Сваи. Трехметровые. Для тайги – обычное дело. Делают так по двум причинам. Чтобы избежать затопления в период половодья и чтобы спасти от разорения медведями.

Ни одна тропка, ни один след не вели к избе. Труба не дымила. Лишь стекла малюсеньких окон вспыхнули неожиданно ярким светом...

Он вздрогнул: избушка показалась обитаемой.

Сделал несколько шагов. Блестящий огонь передвинулся вместе с ним и исчез. Это было всего лишь отражение луны и звезд...

– Избушка-избушка, стань к лесу задом!

Он произнес эту фразу вслух, и лес поглотил ее жадным молчанием, будто изголодавшийся малыш – сдобный пряник.

Отцепив лыжи, он поднимался по лесенке на порог, будто в старый забытый столетие назад отчий дом.

«Командорская изба» –гласила надпись над входом.

Дернул за узкую скобу – дверь отворилась. И сразу зашуршало в дальнем верхнем углу сеней. С царапаньем и писком, да осыпанием трухи завозился комок переплетенных нетопырей и выпорхнул наружу, исчез в прямоугольнике дверного проема.

«Летучая мышь или сова», – решил Илья и повернулся к внутренней двери.

Не заморачиваясь правильным произношением, повторил усердно три раза заговорные слова, и прямо и обратно.

С каждым разом из избы вылетал темный дым, и, обдавая Илью потоком воздуха, таял в звездном небе.

Продолжая по инерции шевелить губами, вошел Илья на кухню, отделенную от другой части избы печкой и тесовой перегородкой. При лунном сиянии нашлись спички, разожглась керосиновая лампа – и набитая дровами печь затрещала, загудела, готовая варить, тушить и жарить.

Илья вытряс в казанок с водой целую пачку с надписью «Макароны, 1ст. Гост. П1720, СССР».

После насыщения сон свалил Илью на дощатое ложе, прислоненное к бревенчатой стене...И приснились ему

«...аплодисменты.

–Наряду с живыми, будем использовать мертвых, и чем дальше, тем больше. В этом моё ноу-хау.

аплодисменты...аплодисменты...»

Проснулся, когда солнце достигло высоты двух елей над горизонтом. Утлое одеяло держало тепло, хоть и засыпал он дрожа. Дыхнул –изо рта валит густой пар.

Испуганный человеком зверек с черными полосками на гибкой спине выпрыгнул из-под лоскутного комья на полатах. Вот уж он на рукомойнике, далее – на иконке с потухшей свечой.

Молнией замелькал бурундук, прыгая из угла в угол. С колченогого табурета – по занавеске – под потолок. Вот на полатах –и вот под лоскутным одеялом. Взлохматив ворох, вылез с другого конца. Цепляясь за свободный конец бечевы от занавесок, раскачивается – и выдирает паклю из стены. Повисает вертикально вниз –и вот снова наверху. С выбитой из пола половицы сизает на щербатый подоконник. Прячется в горшках зеленого сухоцвета.

Видно, что зверек занимается этим изо дня в день, считая избу своим жильем.

Илья бездумно следил за прыгуном. Траектории бурундука шнуровали темные события вчерашнего дня, будто одноразовый ботинок, которого уже завтра не будет ни на ноге, ни в памяти.

На душе делается спокойней и ясней. Илья устал быть сжатой пружиной.

Надписи на стене – а-ля народные частушки. Сделаны ножом и заретушированы чем-то синим; проросшие то ли мхом, то ли плесенью.

*...говорили деды: встарь
здесь была большая гарь.
Мы приходим –гари нет.
В чем же дело, в чем секрет...*

Это одна, а во всю печку – вторая:

*Никаких следов посланцев из космических глубин.
Обманул нас А. Казанцев, стоеческих дубин.*

«Все ясно. Здесь жила веселая, романтически настроенная молодежь, любители фантастической литературы. Приперлись на край земли, а тут облом. Космос кончился. Бывает». Губы растягивались с трудом, будто атрофировались для улыбки.

*Не хватает репудину⁶.
Съел продукты бурундука.
Превратила нас в скотину
Академия наук.*

Илья произвел звук, в которых сам с трудом, но узнал собственный смех. А вот бурундук вполне узнаваем. И надпись на флаконе «Репудин» Илья реально где-то видел...

Любопытство заставило подняться и обойти избу. По углам вперемешку с другим хламом валялись пустые флаконы из-под этого противокомариного средства.

«Какая удача, – отметил Илья, – комары к приходу зимы тоже кончились».

Устало улегся на скамейке, чтобы порадоваться лежа. Надпись под потолком тут же спросила:

– «В чем же дело, в чем секрет?..»
Но... дремота сковала тело.

Вечерело. Илья открыл глаза и почувствовал себя вполне в норме. Оконное стекло прорастало синеватыми «пальмами и папоротниками». Схожая картинка из недавнего прошлого всколыхнула память...

Перед ним аквариум. А вот провал, в котором исчезла рыбка...

Илья поднялся и сел на грани нави и яви. Голова кружилась... Но загадка «провала» манила требовательнее протестов тела.

Боясь, что от движения ресниц картинка сморгнется, Илья, вытаращив глаза, двинулся к окну. Миг – и совсем рядом...

Перед глазами – береза, но не целиком. Сначала ствол – просто участок, покрытый берестой, где среди черных пятен на белом фоне ясно виделось дупло с торчащим уголком рукотворного предмета.

Когда Илья приблизился к окну ближе, береза вырисовалась в полный рост, во всей красе, окруженная «орнаментом» из зеленых листьев, цветов и оконных узоров.

Илья в носках выскочил из избы и помчался к краю поляны. Обхватил холодный ствол руками, долез до дупла и, сунув в него руку, извлек пожелтевший от времени блокнот. На обложке красовалась каллиграфическая надпись: «Л. А. Кулик. Дневник 4-ой метеоритной экспедиции в Подкаменную Тунгуску к месту падения Тунгусского метеорита. Дата заполнения 12.07.1939 – 30.08.1939г.»

Илья открыл рукопись.

«...Были гул и канонада, налет сильнейшего ветра, порывом опрокинуло чум, сорвало с него покрывку, олени разбежались, а людей ветром подкидывало в воздух и валило на землю.

---

⁶ Репудин – советское противокомариное средство

Некоторые чувствовали жар, как будто их обожгло. Это гористая местность, и искать в ней было очень трудно. Помогла аэрофотосъемка, карт этой местности еще не было, была составлена карта и моделирование местности по направлению упавших деревьев. В центре предполагаемой воронки производили бурение местности, однако, никаких признаков падения метеорита обнаружено не было».

– Обнаружено не было... – эхом повторил Илья и вспомнил, что только вчера встретился с описанием чего-то подобного... Ах да, когда слушал диск:

«С приближением виртуальной камеры зрители увидели исступленное лицо черно-волосого дикаря, украшенного разноцветными перьями. Ко рту он прижимал узкий конец рожка и производил горловые звуки, показывая пальцем собравшимся вокруг него дикарям в небо. На лицах его соплеменников отпечатался ужас. Побросав домашнюю утварь, они бросились кто куда, а небо после многократных сполохов осветилось в оранжевый, как при солнечном затмении цвет, затем желто-зеленый и синий.

Огненная стрела прорезала небо у самого солнца и, увеличиваясь в размерах, приблизившись со страшным грохотом, впиалась в человеческие конусы. Когда отгорел пожар, уничтоживший в месте падения всю растительность, в центре оказалось оплавленное отверстие с туннелем, идущим вертикально вниз.

– Вход в Ад! – прокомментировал Баалбей».

– Другими словами, «обнаружено не было», потому что провалилось в Ад... Весьма продумано свидетели дополняют друг друга, прямо как евангелисты – явление Христа.

Илья пролистнул несколько страниц.

«... Человек одновременно приемник и передатчик волн определенной частоты, – прочел он дальше. – Волны определенной частоты 6-7 гц могут не только вызвать панический ужас, но и остановить работу внутренних органов. Реликтовый гуманоид посылает лучи смерти. Нам кажется, что он существо не биологической, а аномальной природы, как гость другого измерения, которого нам ни подстрелить, ни догнать, ни связать... В реальности дела обстоят противоположным образом».

– «Противоположным образом...» – эхом повторил Илья.

«Шаманы знают, но их знание окутано тайной. Чучуны не хотят идти на прямой контакт, так как думают, что мы еще не достигли нужного уровня. Да разве можно идти на контакт с людьми, которые...»

– Которые... – повторил Илья и продолжил: – ...не соблюдают законы – ни свои собственные, ни природные...

3.

В конце рабочего дня Христина радостной синичкой выпорхнула на крыльцо почты – все равно как из теплого скворечника вылетела, в котором, хоть уютно, но грех сидеть в такой распрекрасный погожий денек, да ещё после самой длинной ночи в году.

Заходящее солнце брызнуло в глаза. Что и говорить, оно трудилось сегодня на славу, хотя и недолго.

Мелкие сосульки блестели на карнизе, напоминая о том, что рубеж зимы пройден.

Все это вместе знаменовало победу света над тьмой, и сердце чаяло только хорошего.

Особенно Христинино.

Минувшим летом она преодолела себя: разорвала брак, как показала жизнь, с нелюбимым мужчиной, и должна бы, наконец, почувствовать себя свободной, открытой для счастья.

Но старые ментальные программы висели, как гири. Все получалось не так, как написано в книгах ее любимой библиотеки. Только сейчас... почему-то вдруг только сейчас, она по-настоящему обрадовалась своей свободе.

Плохо, конечно, что все подружки замужем, и она как белая ворона не может быть приглашенной на семейные торжества, но... жизнь продолжается. Дома ее ждет рысенок, которого вчера принесли охотники, и она еще не придумала ему клички. Но придумает, обязательно придумает, вот прям сейчас.

Не застегиваясь в уходящей с солнцем «тепльни», она шла по направлению к дому и перебирала в уме известные клички животных и имена людей. Лэти, Чук и Гек, Умка...

Христина хотела уж было повернуть на свою Метеоритную, как вдруг вспомнила про звонок Иниры – своей кузины из Красноярска.

Та поздравляла ее с прошедшим праздником – Днем Эвенкии, рассказывала, как они встретили его с мужем и заодно сообщила, что сейчас ее муж Митя должен быть в Вануваре – по делу с каким-то работником полиции.

Христина обещала ей найти свояка, чтобы передать привет.

Инира обрадовалась и заранее поблагодарила, потому что именно сейчас, со вчерашнего вечера, связь с мужем прервалась и до сих пор не восстановлена, в чем, конечно, нет ничего страшного, но все-таки... все-таки...

Воспоминание о своем обещании заставило Христину резко поменять маршрут и углубиться во дворы, чтоб наиболее коротким путем подойти к гостевому чуму.

Оказалось, что снега навалило будь здоров, хотя большая часть календарной зимы еще впереди. Но Христина, переваливаясь в сугробах, как утка, не хотела ломать намеченный маршрут и поворачивать назад. Каждым шаг называла последним, но преодолев новый нанос, еще раз давала обещание.

Какие-то крики застали ее, уже совершенно застрявшей в сугробе, –ни туда ни сюда. Христина прислушалась. Крики исходили из чума, к которому она шла.

Два мужских голоса поочередно и наперебой нарушали зимнее спокойствие поселка.

– Отдайте мне его! –воскликнул отлично знакомый Христине голос Жеребова –ВРИО Главы администрации Жернова.

–Я ничего не слышу! – еще громче отвечивал молодой незнакомый голос.

Не зная как, видимо под адреналином, Христина мгновенно выпросталась из снежной ловушки и очутилась позади чума, сквозь щель прорезного окна которого сочился тусклый свет.

–Он мне необходим! –настаивал на чем-то Жеребов. –Именем временного руководителя поселка, я забираю его.

– Неужели ожила ГагараМ?! – воскликнул его оппонент, как показалось Христине, весьма обрадованно.

– Какая, к Сэвэну⁷, гагара?! – сказал Жеребов, как показалось Христине, с большим возмущением.

– Раз, два, три! – странным образом ответил ему собеседник. Скорее, подобный счет соответствовал испытанию микрофона перед выступлением кого-то на сцене.

– Вы меня за дурака принимаете или что?! – ярился Жеребов.

«Ему же так опасно, у него может быть инсульт, – с беспокойством подумала Христина, – предупреждали же врачи». Дело в том, что Теодор Жеребов и был тем самым человеком, свободу от которого так праздновало сегодня ее сердце.

– Вот вам листок, напишите, что вам нужно, – тем временем ответил незнакомец.

«Несомненно, муж Иниры Митя, – решила Христина. – Воспитанный. Кроме того, в поселок сегодня никто не прибывал».

Ошибиться она не могла. В чуме – в этой так называемой Вануварской гостинице – живут сейчас только два человека. Это Христина знала наверняка. И голос второго жильца Ильи – с командной хрипотцой – она не смогла бы спутать с этим почти мальчишеским голосом.

Возникла пауза, перемежаемая шуршанием бумаги, очевидно, в течение которой Жеребов записывал свое требование.

– Прошу дождаться владельца этого номера и взять с его позволения, – уже гораздо спокойней ответил Митя, видимо, ознакомившись с написанным.

– Мне некогда ждать, – твердо сказал Жеребов. – Я государственный человек. Если вы калека, то нахожу бесполезным с вами общаться. Это прерогатива работников Реабилитационного центра. Пусть организуют вам досуг. Научат играть в шахматы. Вот, я вижу шахматы на столе. А разрешения вашего мне и не нужно вовсе для того, чтобы взять положенное мне по праву, и не входящее в преискурант инвалидов.

Его намерения, видимо, наткнулись на стойкое физическое противодействие, потому что он заорал:

– Вы хоть понимаете, кому вы сопротивляетесь? Алешка, где ты, бездельник?

– Я тут, – ответил голос, также слишком хорошо знакомый.

– Взять аквариум!

Последовали звуки борьбы, завершившейся падением тяжелого предмета, что легко можно было понять по причиненному грохоту. Что-то упало кому-то на ногу, кто-то взвыл. Почти одновременно раздались проклятия и непередаваемые идиоматические выражения.

Крик:

– Клятый Сэвэн, током бьет!

– Ай!

– Ой!

– Короткое замыкание...

– Три Сэвэна, чтоб тебя, урод! Аялик, уходим! Все равно в этом мраке ничего не видно. А ты заплатишь нам за ногу втридорога, нищеброд!

Жеребов выскочил из чума, в стенку которого Христина, напротив, что было сил вжалась. Две слишком хорошо узнаваемые фигуры удалялись в густеющих сумерках.

Христина стояла как оглушенная, не зная, как ей поступить и что предпринять. Потом рискнула зайти внутрь. Ведь как-никак, там оставался ее свояк, и он после разборки с Жеребовым мог оказаться в беспомощном состоянии.

Она дернула за веревочку. Колокольчик густо и звучно прозвенел.

Никто не отозвался.

---

⁷ Сэвэн – эвенкийское божество, помогающее шаманам

Забыв, что молодой человек только что жаловался на слух, она не вошла – ворвалась – в темное пространство.

– Кто тут? – тут же спросил голос незнакомца, и твердые мужские руки наткнулись на Христину.

– Это я! – возвысив голос, сказала она, уже сообразив насчет дефекта слуха у Мити. Никакой реакции.

Как объяснить глухому, кто она? Что она? По какому пришла делу? Что по просьбе Иниры – своей кузины и жены Дмитрия?

Хм. Пожалуй, никак.

Прочувствовав глупость положения, Христина рванула назад, к выходу.

Но Митя не пустил ее.

– Кто вы? – спросил он. – И что вы здесь делаете? Если уж забурились сюда, то осторожней ступайте, тут кругом стекло.

– Я заведующая почты и библиотеки.

Разумеется, оглохший Митя ее не услышал и не ослабил охранительной хватки.

Положение было безвыходным. Они стояли, держась друг за друга, в темном и тесном помещении и не знали, что делать.

Оставалось радоваться тому, что ее пунцовые щеки не видны были в темноте, а Митя...

...Митя переживал за рыбку.

Дело в том, что пока шел разговор с неожиданно припершимся в чум неизвестным гражданином, который что-то требовал, совершенно неожиданно заработала НСУ – наземная станция управления беспилотником. Митя впился глазами в дисплей, и ему как прирожденному технарю в этот момент до фени были требования незнакомца.

– Неужели ожила ГагараМ?! – воскликнул он.

Нет, тут было что-то не то...

Уж очень паттерны электрических импульсов синхронизировались с голосами людей... По крайней мере, с его собственным... и амплитуда их падала и возрастала соответственно силе голоса. Его собственного ора... Это четко отражалось на засветившемся дисплее.

– Раз, два, три!

К трем очевидным пикам прибавились еще. По помехам Митя прочувствовал, что есть связь и с голосами непрошенных гостей...

Он мгновенно построил в голове умозрительную электрическую схему: источник звука – диктофон – радиопередатчик – приемное устройство. И только крайние звенья он мог объяснить. Где средние?!

Ответ последовал быстро. Когда незнакомец качнул аквариум, вместе с водой выплеснулась рыбка – и сигнал сразу уменьшился по амплитуде...

Он очень переживал за рыбку, что она могла стать жертвой этих двух слонов в посудной лавке.

– Послушайте! У вас есть спички или зажигалка?! – взмолился он.

Христина без слов сунула ему в руки фонарик. Митя бросился с фонариком на пол. Через пять минут все рыбки были в банке с водой. Но какая из них «радиоактивная»? Для Мити этот вопрос не представлял сложности... Просто надо было чуть-чуть опять посидеть в темноте, пока батарейка в НСУ не кончилась...

– Победа! – торжественно провозгласил Митя, двумя пальчиками держа гуппашку за хвост. – Попалась, рыбка-передатчик!

С этими словами он схватил Христину в объятия и расцеловал в обе щеки.

Христина понимала, что радость поцелуев относится не к ней, и щеки вообще запыхали от гнева. Она с удовольствием бы дала этому нахалу пощечину. Если бы, конечно, не боялась

промахнуться в этой темнотище. Она спокойно могла бы выбить рыбку у него из рук, а рыбку жалко. Надо срочно выбираться отсюда, решила она.

–*«У меня дома рысенок, – написала девушка на клочке бумажки под лучом фонарика. – Он голодный и не знает, как его зовут».*

–Хм, –сказал Митя. –Это странно. Ведь на свете столько прекрасных имен! Неужели ни на одно не откликается?!

Как это получилось, трудно сказать, но через пару минут двое под лучами луны шли по направлению к дому Христины. Стараясь не расплескать, они несли банку с водой и рыбами – только в темноте не смогли найти подходящую крышку.

Кроме того, в одном из карманов у Мити был контейнер из-под валерьянки, которую заботливо положила Инира, чтоб у мужа в командировке не было проблем со сном. Теперь в баночке плескалась гуппешка. Простая рыбка-гуппи с простым, вмонтированным в жабру нано радиопередатчиком.

Валерьянку, чтобы та даром не пропала, Митя одним залпом выпил.

При подходе к дому Христина засомневалась, вправе ли она, с точки зрения цивилизованных обычаев, приводить в свой дом практически незнакомого мужчину? На территории Сибири это было двусмысленным мероприятием... Но как же рыбки? Они замерзнут в неоттапливаемом чуме. Этого нельзя допустить! С этой мыслью она отменяла все дурацкие предрассудки и подала Мите березовый веник.

–Вот тебе голик. Отряхни ноги от снега, свояк.

Отряхнув тщательно ноги, а Христине после ее плутания в глубоких сугробах, потребовалось дополнительное время и помощь в чистке шаровар от слипшегося снега. Поэтому, когда они вошли в избу, было уж совсем темно. Едва Христина включила свет, как на нее набросился симпатичный котенок с кисточками на ушах.

–Смотри, как он меня любит! –вскричала Христина. –Это же просто прелесть! Он умный не по годам!

Она подняла рысенка. Руки ее тут же были расцарапаны до крови, и Христина была счастлива. Ведь он бросился именно к ней. А не к весьма симпатному гостю.

Митя первым делом обустроил жилье для рыбок на верхней полке закрытого буфета.

– Для гарантии от прямых рысиных прыжков, – объяснил он.

–Не рысь это... – сказала Христина, прижимая питомца к лицу, – а ма-аленький, ма-аленький рысеночек...

– Успокаивает, что наша рысь пока еще не знает, что она рысь, – сказал Митя, словно услышав Христину.

Вообще, девушке часто казалось, что Митя ее слышит, хотя он просто догадывался.

Контейнер с гуппи Митя поставил под образами, решив, что там оптимальная аура.

–Пакетик с дафниями и циклопами я спрятал за банкой в буфете. Не забывай кормить нашу малютку, она говорящая!

–А как она говорит? –спросила Христина, да вспомнив о глухоте свояка, махнула рукой.

–У меня на нее серьезные виды, – сказал он.

–А у меня на тебя виды, – ответила она, забавляясь тем, что он ничего не слышит.

Они поговорили еще немного, каждый о своем.

Как сложно быть глухому с нормальным, оказывается...

А вот нормальному с глухим бывает ничего – довольно весело!

Христина усадила случайного гостя за стол и накормила национальным супом из оленьей требухи в закуску с лепешками.

«*Я тебе много-много должна сказать*», – написала Христина на листочке и пододвинула его Мите.

Конечно, она хотела сказать о тревоге Иниры.

Тот заулыбался и зачем-то из стороны в сторону замотал головой.

Она посмотрела на гостя и мечтательно подперла голову рукой. Ей вспоминался игрушечный болванчик из не такого уж далекого детства.

– Мне очень бы хотелось остаться с тобой, – сказал Митя, прикладывая руку к оленьей душегрейке, – но, увы, я женат.

«Митя, – написала она ему. – *Ничего страшного. Я вот недавно развелась. Это не сложно*».

Он засмеялся и чмокнул ее в щечку слева.

– Береги рыбку, – сказал и шагнул в темень.

Он, поскрипывая снегом, широко шагал по ныряющему в сон поселку. Необыкновенно легко дышалось свежим морозным воздухом. Специально набирал его полный рот, затем глотал и словно запивал это изысканное безе великолепным горячим брусничным чаем Христины, который забыть невозможно.

«Девушка просто чудо», – подумалось Мите. Он вспоминал смешливые глаза, напоминающие две черные вишни, положенные художником на гляцевую бежевую скатерть.

Поневоле сравнил ее с женой. Да разве можно сравнивать? Тут экология, а там... но дело не в этом. Инира более решительна. Она типичная горожанка. Биатлонистка от бога.

Она всегда говорила, что главное для нее спорт, а все остальное потом.

Он сам – спортсмен-гиряк. Но... он ни в одном деле с местными не поставил бы сто процентов против нуля, зная, что здешним жителям помогает сама тундра, сама тайга, весь этот воздух.

И как хорошо вокруг! Эту звенящую тишину можно слушать и без ушей!

Самое интересное в том, что его глухота здесь ничуть не мешает. Понимание происходит как-то само собой...

А рыбка – это же прекрасный выход из положения, прекрасная подсказка для его будущего решения! С его изобретательскими мозгами – и не извлечь из ее конструкции рациональное зерно?. Почему бы не сделать из нее протез самому себе и другим не слышащим?

Но сейчас надо будет привести в порядок залитое разбитым аквариумом жилище, восстановить электричество – и поехали! Утро вечера мудренее. Глухота – это временно, и точка!

Митя не знал, что сейчас глухота мешает ему слышать то, что кто-то идет, крадучись, по его следам, стремительно сокращая расстояние...

*

Посадив на колени рысенка, Христина развернула большой подарочный пакет из вышестоящей почтовой организации. Она, эта организация из Красноярска, до которого пилить и пилить, не забывает своих работников, работающих на отшибе, в глуши, поздравить с Новым годом... Как это мило! Христина вспомнила, как прыгала от радости Далбё, принимая подарочную посылку... как ей самой захотелось прыгать и скакать, но она ограничилась лишь аплодисментами национальному танцу своей помощницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.